

Максуд Ибрагимбеков
РОЛЛС-РОЙС ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

Действующие лица:

СЕЙМУР ХАНЛАРОВ – известный поэт и эссеист.

МАРЬЯМ - жена Сеймура.

МЕНЗЕР – теща Сеймура.

ТАРЛАН САЛАМОВ – московский миллиардер

СТАРШИЙ ТАМОЖЕННИК.

1-Й ТАМОЖЕННИК.

2-Й ТАМОЖЕННИК.

ТАЙГЕР - журналист

ЗАФАР ТАГИЕВ – эксперт аналитического Центра «Тарла»

НИКОЛАС АСПАРУХ - шеф – куратор.

ВРАЧ.

Друзья и знакомые.

Геи, лесбиянки.

Непримиримые политруки.

Дом Тарлана Саламова в Москве. Звучит развеселая зажигательная мелодия «Вазгалы». За накрытым столом в доме Тарлана Саламова собралась компания. Нестройный застольный шум замолкает, когда берет слово хозяин дома.

САЛАМОВ. Дорогие друзья, наверное, при всем желании вы не можете представить себе как я рад, что сегодня я вижу вас всех вместе в своем доме. Я люблю Азербайджан, но каждый раз, думая о своей родине, я первым делом непременно вспоминаю всех вас. Потому что именно в вас, в тех, кто сидит за этим столом, я вижу самое дорогое для меня, что осталось в Баку. Сегодня я познакомился с Сеймур-беком. То, что он принял мое приглашение, для меня высокая честь. Мы не были знакомы, но мне кажется, я знаю его давно. Я горжусь тем, что этот замечательный человек сегодня с нами. Дорогой Сеймур! Я читаю ваши стихи, перечитываю их, я восхищаюсь вашей поэзией и публицистикой. У меня есть все ваши книги. Мне много о вас рассказывали, о ваших поступках, и я, будучи здесь, горжусь тем, что на моей родине, в Азербайджане, живет великий гражданин, мой современник. Все знают, что вы ничего не боитесь и всегда говорите правду...

СЕЙМУР (шутливо) Это не совсем так. Все приятные небылицы обо мне придумывают друзья. На самом деле, я с самого раннего детства очень пугливый, всего боюсь, а соврать пытаюсь при первой же возможности.

МАРЬЯМ. (Сеймуру) Скажи, что ты шутишь!

САЛАМОВ. (усмехается) Прекрасно, прекрасно!.. А теперь я прошу вас всех на несколько минут прервать наше застолье и спуститься со мной этажом ниже, там нам подадут десерт, а заодно, я покажу вам свою коллекцию.

Просторное помещение гаража на первом этаже. Это своего рода смотровая площадка со столиками перед «сценой», на которой расположились в один ряд, десятка два роскошных старинных автомобилей.

САЛАМОВ (доволен произведенным впечатлением, показывает) Это «Астон» 1939 года, «Роллс-ройсы» 1938, 51 и 54 годов, «Кадиллак» 1941 года, «БМВ» из первой серии выпуска, «Мерседесы» 1934 и 1952 годов и так далее. Все эти машины на ходу и не нуждаются в ремонте. (обращается к Сеймуру) Какая из этих машин на ваш взгляд лучшая?

СЕЙМУР. (окидывает взглядом ряд сверкающих деталями машин) Я не очень разбираюсь в автомобилях, но мне кажется, все они прекрасны. На меня они производят впечатление уникальных ювелирных изделий. Каждая красива в своем роде.

САЛАМОВ. Поистине, невозможно предугадать ответ поэта! (обращается к жене Сеймура) А вам какая из них нравится больше остальных?

МАРЬЯМ. (Подходит к «роллс-ройсу»). Эта. Просто чудо. Даже не верится, что она старинная, выглядит как новенькая.

САЛАМОВ. У вас прекрасный вкус. Этот «роллс-ройс» целиком и полностью ручной сборки. Машина, действительно, как новая, она на ходу, ни в одном месте нет следов ржавчины, ни одна деталь не заменена...(открывает дверцу) Прошу вас, сделайте мне одолжение, сядьте.

МАРЬЯМ (садится на переднее сиденье) Какая удобная и просторная...(присматривается) Здесь металлическая табличка, а на ней написано, что в 1951 и 1952 году ездила ее величество королева Великобритании.

(Звучит гимн «Боже храни королеву!»)

САЛАМОВ. Так оно и есть. В те годы машина принадлежала королеве Англии, позже ее владельцем стал один знатный англичанин-коллекционер. Последние пять лет она стоит здесь. А с сегодняшнего дня она будет принадлежать вам. Уважаемый Сеймур-бек, прошу вас принять от меня этот скромный подарок. Пользуйтесь на здоровье.

СЕЙМУР. (решительно) Нет, нет, это невозможно. С какой стати? Это очень дорогая вещь...

САЛАМОВ. Делать подарки придумал не я. Люди одаривали друг друга и до нас, и будут это делать всегда. Это удовольствие. Почему же вы хотите отказать в этом удовольствие мне? А то, что вещь дорогая, это еще с какой стороны посмотреть. Делая вам подарок, я ведь ни в чем себе не отказываю и ни на какие жертвы не иду. Если у вас нет оснований считать меня недостойным человеком, возьмите этот «роллс-ройс», я дарю вам его от чистого сердца.

СЕЙМУР. Да, да, конечно. Но это так неожиданно. Спасибо.

САЛАМОВ. У вас есть при себе какое-нибудь удостоверение личности? Очень хорошо. Я на несколько минут вас покину, пусть снимут копию паспорта. (с паспортом в руке выходит из гаража)

СЕЙМУР. Абсолютно нелепая ситуация, а что делать не знаю. (Обращается к жене) А ты что думаешь по этому поводу?

МАРЬЯМ. Думаю, что машина очень хорошая. Надо поблагодарить Саламова.

СЕЙМУР. А я думаю о том, что я в ответ никогда не сумею сделать Саламову равноценный подарок. Неприятное ощущение.

ДРУГ СЕЙМУРА. Ты нервничаешь, потому что плохо знаешь Саламова. Это в его стиле. Мой «Мерседес», на котором мы сюда приехали, подарил мне он. Просто так, без всякого на то повода, взял и подарил новенький «Мерседес». И БМВ Мишке Бардину, правда, на день рождения. И Поладу Поладову тоже. А Зауру Атамалибекову взял и подарил шикарную дачу в Шувелянах. Такой уж характер. Ты не стесняйся, у него миллиардов побольше, чем объединенный возраст двух твоих детей и одного моего в придачу. А машина эта действительно дорогая. Этот «роллс-ройс» раритет. Один коллекционер из Далласа предлагал за нее миллион шестьсот тысяч долларов, но Саламов продать отказался. Я читал об этом в интернете. А в том, что он его подарил тебе, ничего странного нет. Человек постоянно перечитывает твои стихи, знает их наизусть. Мечтал о встрече с тобой.

САЛАМОВ. (вернувшись к гостям, возвращает Сеймур паспорт) В понедельник оформят документы, а еще через два дня машину самолетом отправят в Баку. Я вижу, что вас что-то все же смущает. Поверьте мне, этот подарок такой пустяк...

СЕЙМУР. Весьма значительный пустяк.

САЛАМОВ. Я много повидал в жизни и сейчас для меня стали важными ценности, о которых я раньше даже не подозревал. И одна из ценностей это та, что в наши дни в Азербайджане есть такие люди как вы, мой дорогой Сеймур бек. Наши друзья могут подтвердить, что свое мнение о вас, я высказывал и до нашего знакомства. Кстати, я намеревался сделать вам куда более интересный подарок, чем автомобиль, но по чисто техническим причинам не успел. Вы сколько еще дней собираетесь пробыть в Москве?

СЕЙМУР. (торопливо) Мы улетаем первым утренним рейсом.

САЛАМОВ. Жаль. Все-таки удобнее улетать днем, а еще лучше вечером. Вам не кажется?

МАРЬЯМ. Дело в том, что мы торопимся. Моя мама в больнице, она очень сильно больна. Сегодня ее не позвали к телефону, и мы с Сеймуром очень беспокоимся.

САЛАМОВ. Я желаю ей скорейшего выздоровления. Это великое счастье, когда родители живы. Вы знаете, я человек интуитивный, и уверен, что в ближайшем будущем с вашей мамой ничего плохого не случится. .. А вот и шампанское! Друзья, вечер продолжается.

Больничная палата. Звучит мелодия «Сенсиз» Узеира Гаджибекова. Негромко, чтобы не разбудить Мензер-ханум, врач разговаривает с Сеймуром и Марьям.

ВРАЧ. Мы считаем, что у вашей мамы нервное истощение. И что не менее важно, она потеряла всякий интерес к жизни. Это не болезнь, а состояние, на фоне которого организм теряет способность сопротивляться. Она почти не двигается, и полностью перестала реагировать на окружающую среду. Меня это очень тревожит. И с каждым днем это состояние апатии и безразличия усиливается... Извините, я вас ненадолго оставлю. (уходит)

МАРЬЯМ. Бедная мама. Это так на нее непохоже. Подумать только, «не реагирует на окружающий мир».

СЕЙМУР. Да, грустно. Она всегда была такой... оживленной. Всем интересовалась. Всем, всем...К сожалению, видимо сыграл свою роль и возраст, как никак восемьдесят четыре года.

МАРЬЯМ. Я тебя прошу, не преувеличивай, маме пока еще восемьдесят три. Какой это возраст? Другие в восемьдесят три в теннис играют.СЕЙМУР. Где это они играют в теннис?.. Ладно, ладно, извини, это я от неожиданности, теннис так теннис, не буду спорить.

МАРЬЯМ. Ты лучше скажи, что мы будем делать с «роллс-ройсом»?

СЕЙМУР. Поставим в гараж. По городу ездить на нем нельзя, слишком уж у него парадный вид, продать невозможно, потому, как это подарок Тарлана Саламова. Будем раз в месяц приглашать друзей на праздник «роллс-ройса», и в такие дни выкатывать его для обозрения из гаража.

МАРЬЯМ. Значит, «роллс-ройс» в гараж? А куда мы будем ставить нашу машину?

СЕЙМУР. Другого выхода нет. Нельзя, чтобы экипаж английской королевы пылился на солнце, в то время как единственный гараж занят каким-то потрепанным «Хундаем».

Неподвижная до того Мензер-ханум, рывком приподнявшись, принимает в кровати позу атакующей кобры. В это же время в палату входит врач. Остановившись в дверях,
он во все глаза, наблюдает за происходящим.

МЕНЗЕР. Откуда он взялся - «роллс-ройс» английской королевы? О чем вы говорили?

МАРЬЯМ. (бросается на шею матери) Ах мамочка, как я рада тебя видеть!

МЕНЗЕР. Я тоже! (видимо всласть пообмявшись, отстраняет дочь) Так при чем здесь королевский роллс–ройс? Кто-нибудь скажет, наконец, откуда он взялся?

СЕЙМУР. Обычное дело. Нам его подарили.

МЕНЗЕР. А причем здесь королева?

СЕЙМУР. Раньше на нем ездила королева.

МЕНЗЕР. Слава Богу, наконец-то сбылась моя давняя мечта!

МАРЬЯМ. Ты мечтала о «роллс-ройсе»?

МЕНЗЕР. Я мечтала о чуде. А как оно выглядит, не знала. В моем возрасте о чуде можно только молча мечтать.

СЕЙМУР. То есть можно считать, что вы мечтали ездить на машине королевы? Ваша мечта вот-вот сбудется. Это приятно.

МЕНЗЕР. Ты напрасно улыбаешься, Марьям. Сеймур, вы знаете, кем был мой дед?

СЕЙМУР. Это знает весь город. Ваш отец был директором Главпочты.

МЕНЗЕР. И дворянином. В то время почтмейстер непременно должен был быть дворянином.

СЕЙМУР. Известное дело. Я вас понимаю. Вы мечтали о чем-то необычном и прекрасном, что возвышается над нашим серым обыденным миром рядовых граждан..

МЕНЗЕР. Я имею на это право. А сегодня я думаю о том, как в новом платье и в новой шляпе, через полтора месяца сяду в этот «роллс-ройс» и поеду в Бузовны, на юбилей своей

подруги интриганки Гюльтекин. Вы не представляете, сколько крови она мне испортила только лишь за последние шестьдесят пять лет. Машина остановится во дворе, водитель в фуражке откроет дверь, я выйду, и все ее гости увидят, кто приехал в машине королевы.

МАРЬЯМ. Мама, но у нас же нет водителя.

СЕЙМУР. Вот это как раз пустяки. Машину поведу я. Надену форменную фуражку, и поедем. Не пойму только, причем здесь гости Гюльтекин?

МЕНЗЕР. А я хочу, чтобы все они увидели как у Гюльтекин начнутся от зависти конвульсии. (энергично изображает руками и отчасти телом конвульсии Гюльтекин) По всему телу... Я знала, что этот день наступит!

ВРАЧ. Поразительно! Полчаса назад у нее не было сил приподнять голову...(обращается к Сеймуру) Как вы этого добились?

СЕЙМУР. Моя жена считает, что ее мама может играть в теннис. Что вы по этому поводу посоветуете?

ВРАЧ. (от неожиданности сбивчиво) Теннис?! Что могу сказать... Самое главное не перегреться на солнце. А так, конечно, если не злоупотреблять, то все эти спортивные игры – теннис, волейбол и баскетбол очень полезны для организма, особенно для растущего.

МАРЬЯМ. Мама, мы с Сеймуром хотим, чтобы после больницы, ты до осени пожила у нас. Да, Сеймур?

СЕЙМУР. Конечно, тем более, что вероятно машина уже на следующей неделе прибудет в Баку. И вы должны при этом присутствовать. У вас будет время сшить новое платье. И шляпку тоже.

МАРЬЯМ. Доктор, когда маму выпишут из больницы?

ВРАЧ. Судя по ее состоянию, возможно, завтра.

За вокзальное отделение таможни. Звучит песня из «Бременских музыкантов»:

«Мы раз-бо-бо, разбойники, разбойники! Пиф-паф, и вы покойники, покойники!»

В холле сидят двое молодых сотрудников, пьют чай и слушают музыку.

Появляется Сеймур. Здоровается с таможенниками. Показывает одному из них уведомление.

СЕЙМУР. Вы не скажете, к кому я могу обратиться с этим?

1-й ТАМОЖЕННИК. (пробегаёт глазами уведомление) А, понятно. Вам к начальнику отдела. Обеденный перерыв заканчивается, и он появится с минуты на минуту. Садитесь, пожалуйста. Выпейте чай.

2-й ТАМОЖЕННИК. (рассматривает уведомление) Значит, это вы получатель «роллс-ройса». В Баку есть несколько роллс-ройсов, но такую модель раньше мне видеть не доводилось. Потрясающая машина! Вся из себя как подводная лодка. Когда мы перегоняли ее из аэропорта на стоянку таможни, перед каждой остановкой на красный свет, вокруг нас собирались прохожие и любовались ею.

СЕЙМУР. Представляю себе, как на ней будет приятно ездить по городу.

2-ТАМОЖЕННИК. Да, да, очень приятно. Можно сказать машина, но одновременно музей. Поздравляю!

Появляется старший таможенник. Здоровается с Сеймуром.

Обращается к подчиненным:

СТАРШИЙ ТАМОЖЕННИК. Что происходит? Кто это включил?

1-ТАМОЖЕННИК. (удивленно) Я. Мы в перерыве всегда включаем музыку.

СТАРШИЙ ТАМОЖЕННИК. А я что против музыки? Дело разве в музыке? Это что за слова такие – «разбойники, покойники. (пародирует) К нам не подходи! К нам не подходи!». Безобразие! Что люди о нас подумают?! Сколько прекрасных песен о любви, природе, а тут разбойники и так далее. (жестом приглашает Сеймура к своему столу). Сотрудники тем временем бесшумно удаляются.

Ст. ТАМОЖЕННИК. (Находит в картотеке бумаги, протягивает Сеймуру) Распишитесь, пожалуйста.

СЕЙМУР. (просматривает бумаги) Я могу получить машину?

Ст. ТАМОЖЕННИК. Вас проводят на стоянку. По дороге заплатите таможенный сбор. Касса рядом, на нашем этаже, уплатите по счету и берите машину. Она на ходу и в баке 20 литров бензина.

СЕЙМУР.(вынимает из кармана бумажник) Таможенный сбор - это сколько?

Ст. ТАМОЖЕННИК (протягивает ордер) Вот здесь указано 17 тысяч манатов.

СЕЙМУР (он озадачен). Не понимаю. Посмотрите, пожалуйста, вот здесь в сопроводительном документе написано, что стоимость машины пять тысяч долларов. Здесь же подпись и печать представителя российской таможни.

Ст. ТАМОЖЕННИК. Пять тысяч?

СЕЙМУР. Пять тысяч. Написано черным по белому цифрами и прописью.

Ст. ТАМОЖЕННИК. Пусть пишут, а вы не обращайте внимания. Сколько лет писали, что Ленин жив, вечно будет жить, а где? У нас теперь рыночная экономика в условиях демократии.

СЕЙМУР. Не буду спорить. Но мне интересно, откуда взялось это число - 17 тысяч?

Ст. ТАМОЖЕННИК. Компьютер. Это компьютер определил размер таможенного сбора 17 тысяч.

СЕЙМУР. А вы подумайте сами, без компьютера. Мне прислали подарок, с объявленной стоимостью в пять тысяч, а я должен заплатить за него семнадцать тысяч! Вы считаете это правильным?

Ст. ТАМОЖЕННИК. Мы здесь самодеятельностью не занимаемся, для того и компьютер завели. Все дело в том, что у роллс-ройса очень большой объем двигателя. Кроме того компьютер учел высокую реальную рыночную стоимость роллс-ройса. Вот и получилось в итоге 17 тысяч. Все законно.

СЕЙМУР. Ладно. Тогда с вашего разрешения я пойду. (возвращает собеседнику бумаги и ордер) Извините за беспокойство. (встает).

ТАМОЖЕННИК. Вы не берете машину?... Но почему?

СЕЙМУР. (улыбается) По очень уважительной причине. У меня нет семнадцати тысяч. Ни при себе, ни дома.

Ст. ТАМОЖЕННИК. (он удивлен) Как так может быть (его вдруг осеняет) Я же вас по телевизору видел. Кажется, народный артист и так далее! Вы певец?

СЕЙМУР. Бывало, что и пел, но в данном случае я получатель груза.

Ст. ТАМОЖЕННИК. Как-то нехорошо получается. Может быть, вы позвоните нашему начальнику?

СЕЙМУР. Я с ним незнаком, а если даже был бы знаком, что я ему скажу? Попрошу, чтобы он уменьшил для меня таможенный сбор?

Ст. ТАМОЖЕННИК. Некоторые люди просят. Ничего в этом плохого нет. Кому-то помогают, кому-то отказывают.

СЕЙМУР. (усмехается) Я для этого еще не созрел. Всего доброго!

(Сеймур уходит. Таможенник недоуменно пожимает вслед ему плечами.)

Квартира Сеймура. В гостиной перед зеркалом Марьям помогает матери примерять новое платье. Приходит Сеймур.

СЕЙМУР. (заглядывает в гостиную.) Извините.

МАРЬЯМ. Ты вернулся. Как хорошо. Заходи, нам нужен твой совет. Нравится?

СЕЙМУР. Хорошее платье. Вы наденете его на встречу с Гюльтекин?.. К нему подошел бы шарфик легкой ткани из шелка или шифона ярко-красного цвета с синими полосками. Или такой же шарф, но с голубыми полосками.

МАРЬЯМ. Почему ты решил, что маме нужен шарфик с такой необычной расцветкой?

СЕЙМУР. (раскрывает принесенную коробку) Потому что я купил для вас два шарфа именно такой расцветки.

МЕНЗЕР. (рассматривает шарф) Красивый. Спасибо. Но такой шарф могут оценить только понимающие, доброжелательные люди с хорошим вкусом. Гюльтекин, глядя на него, может думать только о том, что с помощью этого шарфика я пытаюсь выглядеть моложе своих лет. И тут же втихомолку шепнет это своим подружкам, тем, что из новых, каждой в отдельности. Вы не знаете, какая она ехидная.

СЕЙМУР. Действительно не знаю. Но как вы определяете, о чем она думает?

МЕНЗЕР. Опыт, дорогой мой Сеймур. Горький опыт всей моей жизни. Я ее насквозь вижу.

МАРЬЯМ. (изучающее смотрит на мужа.) Ты хорошо себя чувствуешь? Ничем не расстроен?

СЕЙМУР. Чувствую себя прекрасно.

МЕНЗЕР. Пойду переоденусь. (уходит.)

МАРЬЯМ. Ты не против, если до осени мама поживет у нас. Так мне будет спокойнее. С ней я еще не говорила.

СЕЙМУР. Хорошие вопросы ты мне задаешь. В больнице мы уже с тобой об этом говорили. А когда я был против? Пять лет назад, когда она заболела первый раз, я просил ее переселиться к нам, но она сказала, что привыкла жить в своем доме, вместе с семьей твоего брата. Уговори ее остаться, напомни, что нам еще предстоит совместная боевая экспедиция под названием «Гюльтекин».

МАРЬЯМ. Может быть, откажемся от роллс-ройса. Жили же без него, причем неплохо жили, проживем и дальше. Я же чувствую, целый месяц ты из-за этого нервничаешь.

СЕЙМУР. Не то, чтобы нервничаю, но мне, конечно, неприятно, что я, взрослый человек, не заработал на таможенный сбор за присланный подарок. Но думаю, все обойдется. Я тебе говорил о том, что в республике в этом году все литературные произведения на кириллице будут напечатаны заново, на латинском шрифте. Надеюсь, в ближайшее время очередь дойдет и до моих книг. Знать бы только когда.

МАРЬЯМ. Сколько раз у нас возникали серьезные проблемы, и каждый раз все благополучно улаживалось. Потому что ты человек, отмеченный Богом.

СЕЙМУР. Из достоверных источников мне известно, что Бог «роллс-ройсами» не занимается. Придется рассчитывать только на свои силы.

МАРЬЯМ. Давай продадим это кольцо. Я приценивалась, ювелир сказал, что готов купить его за пять тысяч.

СЕЙМУР. Напрасно приценивалась. До этого мы еще не дошли. (берет руку, на которой кольцо и проводит ею по своему лицу, целует). Обойдемся без распродаж и долгов. Не знаю еще, как, но обойдемся. Я все-таки надеюсь на издательство.

В комнату входит Мензер.

МЕНЗЕР. (Сеймуру) К вам пришел какой-то незнакомый человек. Говорит, о встрече не договаривался и предварительно не звонил. Я хотела его выпроводить, но он сказал, что пришел с вами поговорить по поводу «роллс-ройса». Вы будете с ним говорить?

СЕЙМУР. (пожимает плечами) Странно. Пусть войдет.

Входит молодой человек чрезвычайно невысокого роста с развязными манерами. Кланяется Марьям, протягивает руку Сеймуру, садится напротив:

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. -Здравствуйте.

СЕЙМУР. Мы разве знакомы?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Минимум на пятьдесят процентов.

СЕЙМУР. Это что должно означать?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Вас знают все, в том числе и я. А вы меня не знаете. Получается как раз пятьдесят процентов. Я сейчас представляюсь. Меня зовут Тайгер. Я из газеты «Бакинский дневник». Вам знакомо это название?

СЕЙМУР (пренебрежительно). Немножко. Тайгер! Псевдоним у вас необычный. Вы наверно привыкли говорить по английски?

ТАЙГЕР. К сожалению, английский я не знаю. Просто мне нравится звучное слово Тайгер, вот я его и взял в качестве псевдонима. И еще мне нравится, что тигры нападают без предупреждения, когда им надо, атакуют молча.

СЕЙМУР. Я заметил, что названия животных у бакинских журналистов стали модными. Мне попадались статьи, подписанные - Джейран. Не понял только это самец или самка. Но в любом случае джейран – животное, причем дикое жвачное, но хотя бы не агрессивное. А вот что, по-вашему, может означать другой псевдоним – Зебрус?

ТАЙГЕР. Известное дело. На латыни это означает зебра.

СЕЙМУР. Кто вам это сказал?

ТАЙГЕР. Да я сам знаю. Зебра – она же Зебрус. Ежу понятно, что латынь.

СЕЙМУР. Спасибо. Теперь я знаю все. Вернемся к тигру. Итак, вы, господин Тайгер, приняли решение атаковать меня без предупреждения?

ТАЙГЕР. Ни коем случае. Выполняя свой журналистский долг, пришел поговорить с вами об инциденте на таможне. Немного забегаю вперед, скажу, что такое отношение к вам возмутительно, и наша газета не может остаться безразличной.

СЕЙМУР. Господин Тайгер! Что, конкретно возмутило вашу газету и вас, кажется тоже?

ТАЙГЕР. Конкретно, мы считаем возмутительным, что такому всеми уважаемому человеку как вы, таможня отказалась выдать присланную вам машину.

СЕЙМУР. Откуда у вас такие сведения?

ТАЙГЕР. Отовсюду. Последнее время все только об этом и говорят.

СЕЙМУР. Странно. Я разговаривал в таможне лишь с одним человеком, причем наедине. Машину я не получил пока, по причинам исключительно личного характера и категорически не хочу, чтобы это попало на страницы вашей газеты. Вам это понятно, господин Тайгер?

ТАЙГЕР. Все понятно. Но вы, конечно, знаете, что сказал по этому поводу Вольтер?

СЕЙМУР. Представление не имею, что мог бы сказать Вольтер по поводу посещения мною районного управления таможни.

ТАЙГЕР. Он сказал, что человек – животное общественное. На мой взгляд, это означает, что не все происходящее с человеком может считаться его личным делом. Неужели вы думаете, что демократическая пресса останется равнодушной к тому, что у такого человека, как Сеймур Ханларов, среди бела дня нагло потребовали крупную взятку, за совершенно законное дело.

СЕЙМУР. (щелкает пальцами у носа Тайгера, затем поднимает руку и медленно по горизонтали проводит указательным пальцем по воздуху на уровне его глаз.)

Посмотрите сюда, посмотрите сюда, пожалуйста, а теперь налево, еще раз. Молодец!

(Удивленный Тайгер послушно следит взглядом за движением пальца Сеймура.)

СЕЙМУР. (опускает руку) Спасибо. Вы, Тайгер, скорее всего не психопат! Это хорошо... Так повторите, что вы сказали насчет взятки?

ТАЙГЕР. Вы сами все знаете. Вам предложили дать взятку, вы возмутились и отказались ее дать. При этом вы топали ногами и оскорбляли таможенников. Вас с трудом выпроводили, а ваш «роллс-ройс» остался на под открытым небом на стоянке таможни. Это факт или нет? И я об этом напишу. При всем уважении к вам, нравится вам это или нет. Видите, я с вами откровенен.

СЕЙМУР. Факт заключается в том, что я получил извещение о прибытии груза на мое имя и отказался от его получения. И это все!

ТАЙГЕР. Я знаю, что на таможне берут взятки. И мы с вами должны их вывести на чистую воду. Вы же не будете отрицать, что на таможне берут взятки?

СЕЙМУР. Для того чтобы отрицать, надо знать. Это относится в первую очередь и к вам. Проведите журналистское расследование, и после этого, в зависимости от полученных фактов, докажите, что на таможне берут взятки или опровергните эти слухи. Я думаю, может получиться интересная статья.

ТАЙГЕР. Если я ради очередной статьи каждый раз буду проводить расследование, то умру с голоду. Газета ненасытное существо. Она требует пищу каждый день. А во-вторых, кто мне позволит расследовать деятельность таможни? Это государство в государстве, и никому со стороны не дозволяется проникать в него.

СЕЙМУР. Извините, но меня ваши отношения с таможней почему-то не очень интересуют. В таможне я был всего один раз и ни о каких взятках там речи не шло. .. (задумывается) Что же получается, значит, вы, еще когда шли ко мне, уже знали что напишете?

ТАЙГЕР. Да, знал. Иметь собственное мнение - это самое ценное качество профессионального журналиста. Вы не беспокойтесь, я не стану утверждать, что о вымогательстве взятки сказали мне вы. Мне важно было встретиться с вами. Мы встретились. Это факт. В статье я напишу об этой встрече, и дам читателям понять, что в ходе беседы с вами убедился, что вы, будучи порядочным человеком, возмутились, и отказались дать взятку. В конце концов, у нас демократия и я имею право на свободу слова. Я хочу, чтобы народ узнал, наконец, правду.

СЕЙМУР. Я вас настоятельно прошу, не делайте этого. Иначе, я сделаю все, чтобы вы были наказаны.

ТАЙГЕР. Дорогой господин Ханларов, что вы можете сделать? Напишите опровержение, а его не напечатают из уважения к авторитету моей газеты. Может быть, его опубликует какая-нибудь государственная газета вроде «Дружбы и солидарность». И пусть печатает, но ее ведь никто не читает. И еще вы можете подать на газету в суд. Таких опровержений суды получают десятками, но никто, как правило, их не печатает. Потому что никто не хочет прослыть врагом прессы в условиях демократии.

СЕЙМУР. Подведем итог. Я никогда ни на кого не подавал в суд и не писал опровержений. И не собираюсь это делать впредь. Притом, что вы, Тайгер, почти убедили меня, что можете своей статьей поставить меня в нелепое положение, ослабить на весь город, и это сойдет вам с рук.

ТАЙГЕР. Вы сильно сгущаете краски, я не собираюсь ставить вас в неловкое положение, но в принципе так и есть. Я рад, что мне удалось вас убедить в своей правоте.

СЕЙМУР. Я сказал, почти убедили. Сейчас вы поймете, что такое «почти»... Извините, я вас покину буквально на полминуты. (выходит в другую комнату)

Сеймур возвращается с массивной тростью в руке. Тайгер внимательно наблюдает за ним. Сеймур усаживается напротив него.

СЕЙМУР. За тридцать лет, что эта палка у меня, я к ней привык. Вырезана из орехового дерева. Видите на ней написано – Кисловодск и нарисованы горы... Так на чем мы остановились? Вы знаете, Баку большой город, но у него есть особенность - все знакомые друг с другом люди непременно время от времени случайно встречаются. Так вот я вам обещаю, Тайгер, если вы напечатаете свою статью, то при встрече я этой палкой сильно ударю вас по голове. Где бы мы не встретились – в театре, филармонии или в ресторане. Другого выхода вы мне не оставили. Причем ударю, если даже ваша статья выйдет под любым другим псевдонимом. С завтрашнего дня я буду выходить из дома с этой тростью.

ТАЙГЕР. (откашлявшись) Вы не сделаете этого. Интеллигентные люди так не поступают. У вас хорошая репутация, но вы можете потерять ее навсегда

СЕЙМУР. А вы на это и рассчитываете. Сделаю, сделаю, не сомневайтесь.

ТАЙГЕР. Публично ударить журналиста палкой это, можно сказать, уголовное преступление, и вам за него придется ответить по закону.

СЕЙМУР. Знаю, знаю. На первый раз по закону мне придется заплатить штраф от тридцати до пятидесяти манатов. Дороговато конечно, но заплачу.

ТАЙГЕР. И что вы докажете этим, извините, хулиганским поступком? Что вам это даст?

СЕЙМУР. Кое-что. Во-первых, получу удовольствие, это уже немало, во-вторых, произойдет скандал. Сообщение о скандале попадет во все газеты, и вот тогда-то я подробно расскажу, за что я на людях ударил вас палкой по голове. Мне будут сочувствовать, над вами смеяться. Я это сделаю, обещаю, а слово свое я держу. Если вы мне не верите, намекните как-нибудь.

ТАЙГЕР, молча, неодобрительно качает головой, затем встает и идет к выходу.

ТАЙГЕР. До свидания.

СЕЙМУР (любезно) Всего доброго. Желаю вам новых творческих успехов в трудовой деятельности

ТАЙГЕР. (у выхода останавливается) О вашем разговоре в таможне мне рассказали, и рассказали не только мне. Когда статьи появятся в других газетах, вы постарайтесь сообразить, что я к ним отношения не имею. Я старался опередить других журналистов, но не вышло. А они будут писать об инциденте в таможне по уже известной вам схеме. Берегите палку, она вам еще пригодится отгонять собак, которых скоро начнут на вас вешать.

ТАЙГЕР уходит, Задумавшись, Сеймур продолжает сидеть с палкой в руке.

Появляется Марьям с накрытым подносом в руках.

МАРЬЯМ. А где журналист?

СЕЙМУР. Разговора у нас не получилось. Вышел спор из-за демократии, и выяснилось, что наши мнения диаметрально расходятся. Он обиделся и ушел.

МАРЬЯМ. (видит трость, в ужасе) Палка. Ты его ударил!? Сеймур! Мы с тобой уже немолодые люди, тебе нельзя себя так вести.

СЕЙМУР. (усмехается) Никогда больше не называй в моем присутствии мою жену немолодым человеком. Ты действительно думаешь, что я способен ударить палкой человека или даже животное?

МАРЬЯМ (остывает) А кто тебя знает? Никогда заранее не знаю, какой номер ты держишь в запасе.

СЕЙМУР. Слушай, палку эту я принес сюда в качестве наглядного пособия. Блефовал в чистом виде. Я действительно не могу ударить палкой беззащитного человека.

МАРЬЯМ. Интересные новости! А если беззащитный человек нападет на меня?

СЕЙМУР (свирепо рычит) Р-Р-Р! Порррву на части! Видишь, все-таки в чрезвычайных ситуациях использование палки можно считать полезным.

Появляется Мензер. Приносит несколько фотографий.

МАРЬЯМ. (рассматривает) Я эти фотографии вижу в первый раз. Какие вы здесь красивые – и ты, и тетя Гюльтекин.

МЕНЗЕР. Их курьером прислала Гюльтекин с ее запиской. «Смотрела на них, вспоминала наши лучшие годы и плакала».

СЕЙМУР. Действительно трогательно!

МАРЬЯМ. Вам так кажется, потому что вы не знаете Гюльтекин. Как по вашему, почему она прислала мне фотографии с запиской? Тридцать лет не присылала, а сегодня прислала. Не знаете? Я вам скажу. Она уже сегодня предвидит, что через пятнадцать дней я приеду к ней на «роллс-ройсе» королевы в новом платье со стоячим воротником, вот она и решила заранее сделать этот ход, чтобы смягчить меня.

МАРЬЯМ. Мама. Подумай только, что ты говоришь!

СЕЙМУР. Согласен, о том, что вы приедете поздравить ее с юбилеем, она знает. Мне непонятно только, как она могла заранее определить марку автомобиля и фасон вашего платья.

МЕНЗЕР. Вы не представляете, Сеймур, но она может все! Вся семья такая. У нее два сына, старший уже в двадцать лет был солидным человеком, а младший учился в юридическом и в девятнадцать лет был закоренелым наркоманом. Курил, нюхал, лизал и кололся. Она его отвезла в Ленинград и поместила в наркологическую клинику профессора Наблусова. Срок пребывания в этой клинике был шесть месяцев, но многие пациенты не выдерживали мучительного лечения и убегали раньше времени. А как поступила безжалостная Гюльтекин? Она всеми правдами и неправдами продержала родного сына там три года. Он вернулся в Баку и все-таки закончил институт. Но юрист из него получился плохой. В основном он защищал мелких воришек, продавцов наркотиков и жуликов. Ни разу не выиграл, ни одного дела.. Но тут, совершенно случайно, выяснилось, что у него необычные способности. Он мог на расстоянии непостижимым образом учуять наркотик, если даже этот наркотик надежно упакован. Поначалу к нему относились как к фокуснику, а потом поняли, что дело серьезное и взяли на работу в учреждение, которое борется с наркотиками, скоро он получил повышение, стал инспектором в этом Комитете. Представьте себе, он заходит в зал, где выставлены тысячи предметов (Мензер изображает человека, разыскивающего наркотики, расхаживает по комнате и шумно принюхивается), а потом прямо как коршун – цап! ящик или чемодан! Здесь, говорит, вот они! Открывают, там наркотики.

СЕЙМУР. Он по запаху искал?

МЕНЗЕР. Не знаю. Некоторые наркотики были так запакованы, что по запаху найти их было невозможно. Но он их находил. Гюльтекин говорит, что у него особый наследственный талант. И отец Гюльтекин, нефтяник, был таким же. Бурите, говорил, здесь! Бурили и находили нефть. Благодаря ему, нашли месторождение в Шорабаде.

СЕЙМУР. А этот парень, искатель наркотиков, перестал их употреблять?

МЕНЗЕР. Его выпустили из клиники тридцать пять лет назад. И с тех пор по приказу Гюльтекин три раза в год, он дает для анализа на наркотики кровь и слюну. И до сих пор результаты анализов каждый раз получает сама Гюльтекин. Все чисто. Наркотики он не употребляет, но, зато выпивает.

СЕЙМУР. Похоже ваша подруга Гюльтекин, интересный человек.

МЕНЗЕР. Интереснее не бывает. Я ей позвонила поблагодарить за фотографии, а она сделала вид, что обрадовалась. Говорит, что из дому почти не выходит, у нее ноги болят, а то бы мы обязательно с ней в нашу школу сходили бы и по бульвару погуляли, как в добрые старые времена. Я тут же растаяла, но не до конца. Вовремя опомнилась и думаю, пой, голубушка, пой, я-то хорошо знаю все твои ложные рукопожатия, все равно приеду к тебе в машине королевы, хочу посмотреть, как тебе это понравится.

СЕЙМУР. Поедем, обязательно, поедем. (к Марьям) После визита журналиста Тайгера я окончательно решил во чтобы то ни стало машину выкупить. Знать бы только как?

МАРЬЯМ. А как это связано с Тайгером?

СЕЙМУР. Кто-то распускает неприятные, без преувеличения, какие-то липкие слухи о моем посещении таможни. Чтобы их прекратить, следует как можно скорее забрать из таможни машину. Это единственный выход. (телефонный звонок, Сеймур берет трубку) Здравствуйте... Кто? Нет, не узнаю. А-а, приветствую. Ты бы еще через сто лет позвонил и спросил, узнаю ли я твой голос. С удовольствием. По делу, так по делу, тем более важному. Найду, я знаю, где это. Не опоздаю. (кладет трубку).

СЕЙМУР. Звонил Зафар Тагиев. Мы с ним вместе учились. Я на филфаке, он на философском. Много лет как я потерял его из виду. И вдруг звонит. Говорит, я ему очень нужен.

МЕНЗЕР. (Сеймуру) Он не в издательстве работает? Нет? Я забыла сказать, вам звонили из издательства, просили зайти.

СЕЙМУР. Очень приятное известие, спасибо. Это очень важно. Завтра первым делом зайду в издательство. А позже встречу с Зафаром.

Большая вывеска – «Клуб спортивного общества мотоциклистов и велосипедистов».

Звучит ария «Люди гибнут за металл, Сатана там правит бал» Большой зал.

Освещен только один его угол. Остальное пространство погружено в полумрак.

Вдоль освещенного отрезка стены расставлено несколько кресел.

СЕЙМУР. (подходит к единственному обитателю зала) Здравствуй, Зафар. По-моему, я не опоздал?

В это же время из темной части зала выходит человек, предположительно мужчина, в пестрой женской одежде с ярко раскрашенным лицом. Подходит к беседующим приятелям.

ПРИШЕЛЕЦ. А где мой грант?

СЕЙМУР. (торопливо) Не знаю я Гранта. По правде говоря, я нездешний. Только что пришел.

ЗАФАР. (пришельцу) Здраваться надо. Вам прекрасно известно, что гранты выдают кассир с бухгалтером. Они еще не подошли.

ПРИШЕЛЕЦ. Бухгалтер каждый раз прикидывается, что у него болезнь Альцгеймера. Придет и скажет, что ничего о грантах не слышал. Отдай грант, лучше будет! Ты слышал, противный?

Зафар. (свирепеет) Прошу вас вернуться в строй! Немедленно.

ПРИШЕЛЕЦ. Подумаешь, какой сердитый! Ухожу, ухожу! (покачивая бедрами, отходит, ворчит на ходу) Фи! Грубиян, сука!

СЕЙМУР. (оторопев от неожиданности). Зафар! Что здесь происходит!?

ЗАФАР. Обычное дело – подготовка к параду. Посиди здесь, все поймешь.

СЕЙМУР. Да уж. Хотелось бы понять.

ЗАФАР А ты совсем не изменился.

СЕЙМУР. Это я так ловко притворяюсь. На самом деле выгляжу гораздо хуже.

ЗАФАР. Это как?.. А, понятно. Тебе, наверное, испортили кровь эти газетные публикации?

СЕЙМУР. О чем это ты? Я ничего не читал.

ЗАФАР. (в руке у него несколько газет) Вся наша желтая пресса на тебя набросилась. Все четыре газеты пишут почти одно и то же, как ты на таможне устроил страшный шум по поводу получения машины. Оскорблял таможенников, топал ногами, и требовал, чтобы ее выдали тебе бесплатно, так сказать, из уважения к твоим званиям..

СЕЙМУР. Это неприятно. Интересно, кому все это понадобилось?

ЗАФАР. Кому-то из твоих врагов, значит, понадобилось.

СЕЙМУР. Да нет у меня врагов. Ты забыл? Я поэт и эссеист. Я не политик, не карьерист. Ни в чьи дела не вмешиваюсь. Работаю себе дома или на даче. Нет у меня врагов.

ЗАФАР. Значит, нет и друзей. В наше время так жить нельзя. Человек должен ощущать, что за ним стоит какая-то сила и только тогда он становится несъедобным. Ты понял меня?.. И ты не знаешь, кому понадобилось натравить на тебя нашу доблестную прессу?

СЕЙМУР. Представления не имею. Да Бог с ними со всеми. (показывает папку). Здесь гонорар за двухтомник, который я только что получил в издательстве. Двадцать три тысячи. Сегодня получу машину, и, надеюсь, поставлю точку на этой нелепой истории с моим разнузданным поведением на таможне.

ЗАФАР. Вряд ли эту точку кто-нибудь захочет заметить. О том, что ты получишь машину, никто не узнает, а неприятный инцидент с твоим участием в памяти людей останется надолго. Я подозреваю, что все статьи в сегодняшних газетах это всего лишь начало компании, цель которой дискредитировать тебя в глазах общественности.

СЕЙМУР. Ой-ёй-ёй! Аж мурашки по спине побежали! Зачем, кому я нужен?

ЗАФАР. (показывает ему газеты) Тем, кто натравил их на тебя в первый раз. Я думаю сегодня это первая атака. Ситуация узнаваемая, теперь они не оставят тебя в покое. Напрасно усмехаешься. Думаешь, они не найдут негативные факты из твоей жизни, потому что их не существует? А им факты не нужны, они сами придумают жареные факты, в которые все поверят. Смешают тебя с такой густой пахучей грязью, что ты сам себя не узнаешь.

СЕЙМУР. (усмехается) Ладно. Я тебе поверил. Ты меня напугал да смерти, и я впал в состояние паники. Только напоследок скажи, для чего все это нужно, и если можешь, объясни, для чего этим таинственным недоброжелателям понадобился я?

ЗАФАР. Мне кажется, есть люди, которых ты раздражаешь. Ты многого добился в жизни, известности, независимости, ни перед кем не заискиваешь. А это многим действует на нервы. Посуди сам. Они считают, что всего этого ты не заслужил. Посмотри, в каком мире мы живем. Искусство и литература в наши дни никого не интересуют. Сегодня у людей вызывают уважение только власть и деньги, а у тебя нет ни того, ни другого. Ты ходячий анахронизм. Вот и решили тобой заняться для того, чтобы лишить тебя куража. И еще на тот случай, если ты им понадобишься. Вот они и решили тебя осадить, чтобы ты стал сговорчивым и послушным. Посмотрим, как будут развиваться события дальше.

СЕЙМУР. Когда ты вчера мне звонил, ты знал, что обо мне сегодня будут писать в газетах?

ЗАФАР (несколько растерявшись) Не-ет. Нет, конечно. Как я мог знать?

СЕЙМУР. (смотрит на часы) И я так думаю. Но вчера ты мне сказал, что хочешь встретиться со мной по делу. А мы уже полчаса говорим только обо мне и газетах. Честно говоря, мне это порядком надоело. Так какое дело?

ЗАФАР. Да, ты прав. Дело, а еще точнее, это просьба. Для меня это очень важная просьба.

СЕЙМУР. Звучит внушительно. Выкладывай в чем дело. Если в моих силах, сделаю что могу.

ГОЛОС ИЗ ТЕМНОТЫ (приятный баритон) Верни мой лифчик, гаденыш!

2-й ГОЛОС. (дискант) Лифчика мы не видели! Не лифчик, а наушники для козла-дистрофика. На! Натяни на уши!

ЗАФАР. С тобой хочет встретиться наш шеф – куратор.

СЕЙМУР. Всего-то. Пожалуйста, с кем хочешь, знакомь.

ЗАФАР. По его словам, ты с ним знаком, причем давно. Он просил, чтобы я организовал встречу, хочет поговорить с тобой об очень серьезных вещах.

СЕЙМУР. Отчего не поговорить?

ЗАФАР. Спасибо. Гора с плеч! До этой минуты я сомневался. Человек ты, извини, неуправляемый, непредсказуемый...

СЕЙМУР. Это ты обо мне?

ЗАФАР. О ком же еще? Это общеизвестно. Вот я и сомневался

СЕЙМУР. Как его зовут?

ЗАФАР. Николас Аспарух.

СЕЙМУР. (подумав) Очень знакомое имя. Он в Баку живет?

ЗАФАР. В Баку он приезжает регулярно, но не часто. Поверь, Николас Аспарух, он, что называется, один из сильных мира сего. Ты представить себе не можешь, до какой степени он влиятельный человек, наш шеф-куратор. Говорит, что вы знакомы.

СЕЙМУР. Вспомнил. Я познакомился с ним на Всемирной Конференции Руководства. В 1989 году в Балтиморе. Я был участником этой конференции, а он сопредседателем.

ЗАФАР. Хочешь сказать, что ты был делегатом Всемирной Конференции Руководства?

СЕЙМУР. Ну да. На нее были приглашены люди из многих стран, в их числе представители всех союзных республик. Приглашение и билет на самолет мне прислали домой. Визу в паспорт проставили перед самым вылетом в аэропорту.

ЗАФАР. Ничего себе. Везет же человеку! А как получилось, что тебя пригласили?

СЕЙМУР. Не мог этого понять тогда, не понимаю и сейчас. Пригласили, вот я и решил слетать в Америку.

ЗАФАР. По-моему, ты до сих пор не понимаешь, что значит быть приглашенным на Всемирную конференцию руководства. Руководства чем? Ты хоть это понял?

СЕЙМУР. Не сомневайся, кое-что все-таки понял.

ЗАФАР. А кто из Азербайджана был кроме тебя?

СЕЙМУР. Три человека. Впоследствии они стали воротилами Народного фронта, а позже все трое вошли в правительство Эльчибея. Должен тебе сказать, что почти все участники этой конференции, приехавшие из СССР, вернувшись в свои республики, возглавили там демократические движения. За три года состоялись три конференции в Балтиморе, Монреале и Лондоне, а я участвовал в работе лишь первой, балтиморской... Значит, Николас твой шеф-куратор. И впрямь мир тесен. А где ты работаешь?

ЗАФАР. В аналитическом агентстве «Тарла». Заведую отделом. Составляем отчеты о состоянии дел во всех отраслях страны. Экономика, политика, наука общество. Нашими отчетами практически пользуются все международные организации и информационные агентства.

СЕЙМУР. Интересная работа. Платят нормально?

ЗАФАР. Тридцать пять тысяч. Ну, еще дополнительно всякие проездные, представительские.

СЕЙМУР. Тридцать пять тысяч в год. Ну что ж. Вполне.

ЗАФАР. (обижается) Почему в год? Это же зарплата. Ежемесячная. К твоему сведению моя зарплата в нашем Центре не считается высокой.

СЕЙМУР. (усмехается) Мощная организация эта твоя «Тарла». Рад за тебя. Надеюсь, на жизнь хватает? Ну, где же твой шеф-редактор?

ЗАФАР. К твоему сведению, он шеф-куратор не только агентства «Тарла». Он один из постоянных сопредседателей Всемирной конференции Руководства. (Сеймур кивает) Он просил, чтобы прежде чем ты с ним встретишься, я подробно и, самое главное, абсолютно откровенно рассказал и объяснил тебе, чем мы занимаемся. Это наш тренировочный зал, а также репетиционный зал. (подзывает посыльного, что-то говорит ему, тот уходит)

ЗАФАР. (Сеймуру) Господин Аспарух теперь знает, что ты здесь.

Приходит несколько человек, занимают свободные стулья.

СЕЙМУР. А это, наверное, мотоциклисты и велосипедисты?

ЗАФАР. Это наши инструкторы.

СЕЙМУР. А где же члены клуба - мотоциклисты и велосипедисты?

ЗАФАР. Наверно там, где им положено быть - на мотоциклах и велосипедах. Прошу тебя, не отвлекайся.

Загорается яркий свет. На стенах развешаны плакаты: «Однополые браки основа прочной семьи», «Патриотизм - опиум для народа», «Верь словам, но бери в залог ценности», «Мы «Скуадра адзурра» Азербайджана»!

В зал вбегают живописная группа лесбиянок, геев и трансвеститов и бисексуалов. Дружно выкрикивают «Мы «Скуадра Адзурра» Азербайджана. Играем за Азербайджан». Делают коллективные упражнения, принимают выразительные позы, ораторы скандируют лозунги: «Однополые браки в каждую семью!», «Мы авангард человечества!» и т.д.

К группе выходит 1-й инструктор.

1-Й ИНСТРУКТОР. (хлопает в ладоши) Стоп! Лозунг «однополые браки в каждую семью» отменяется как несостоятельный. Заменяем его другим: «Народ требует узаконить однополые браки!» Запишите! (обращается к одному из участников) Пардон! Вы ходите как доярка после второй смены. Походка должна возбуждать зрителей. Попробуйте вот так (показывает) От бедра, от бедра! Все понятно? А теперь еще раз. Все приготовились. (хлопает в ладоши) Пошли!

СЕЙМУР. Что происходит?

ЗАФАР. Репетиция. Подготовка к первому общегородскому митингу с последующим парадом сексуальных меньшинств.

СЕЙМУР (с некоторым сомнением) В Баку?

ЗАФАР. А чем Баку хуже всего цивилизованного мира? Да, в Баку. Сейчас перед тобой всего лишь группа активистов, а на парад придут сотни людей их коллег и единомышленников.

СЕЙМУР. Так уж сотни?

ЗАФАР. Надеюсь, что да. В этом году на развитие движения лесбиянок и геев в Азербайджане выделили свыше одного миллиона долларов. Наша задача, чтобы каждый доллар из этого миллиона был использован с пользой для дела.

СЕЙМУР. Кто выделил деньги?

ЗАФАР. Обязательно узнаешь... в свое время.

СЕЙМУР. Могу заранее сказать, что идея с однополыми браками в Азербайджане не пройдет.

ЗАФАР. Почему несколько самых цивилизованных и демократических стран мира в законном порядке разрешили однополые браки, а в Азербайджане «это не пройдет»? Почему в США, Голландии, Франции, Англии и в других странах однополые браки узаконены, а в Азербайджане, по-твоему, это невозможно? Расскажи.

СЕЙМУР. Почему не знаю, но здесь это не пройдет.

ЗАФАР. Тогда я скажу. Возможны два варианта и оба нас устраивают. Первый вариант, наиболее вероятный. Власти пойдут на поводу у народа и закон о разрешении однополых браков Милли Меджлис не примет. Это нас устраивает. В этом случае, по всему миру прокатится волна протеста из-за того, что в Азербайджане демократия пущена под откос.

СЕЙМУР. Кто поднимет волну? (бросает взгляд на Зафара) Понятно, «узнаю в свое время»... Давай второй вариант.

ЗАФАР. Второй вариант, но он маловероятный. Если закон об однополых браках, вопреки желанию народа, примут, это тоже нас устраивает. Будем внедрять в народные массы

мнение, что вся правящая прослойка страны сплошь состоит из геев и лесбиянок. Второй вариант устраивает нас даже больше чем первый! Ты понял. Кстати, а сам ты как относишься к проблеме однополых браков?

СЕЙМУР. Скажу откровенно, до сих пор я об этом не думал... Но считаю, что если один настоящий мужчина, хочет жениться на другом настоящем мужчине, а тот хочет выйти замуж, то посторонним в это интимное дело вмешиваться не стоит. Пусть себе развлекаются, как хотят. Не пойму только, ради чего парады устраивать, дело-то как никак интимное.

ЗАФАР. Ради того, чтобы добиться признания общества. Они хотят жить как все. И они этого добьются. Ты будешь поражен, когда узнаешь, какая это мощная и влиятельная политическая сила в современном мире - сексуальные меньшинства! Оглянись вокруг. В некоторых странах они давно уже контролируют органы власти, средства массовой информации, причем, в первую очередь телевидение. А каким влиянием их представители пользуются в парламенте европейского союза! Эту силу необходимо задействовать и в нашей стране. Истинная демократия в наше время немыслима в отсутствии активного участия представителей сексуальных меньшинств.

СЕЙМУР. (с искренним любопытством смотрит на Зафара) По-твоему, выходит, что сексуальные меньшинства чуть ли не отдельная новая раса, вершина развития человечества?

ЗАФАР. Прекрасное слово ты нашел. Вот именно, раса!

СЕЙМУР. А тебя можно считать представителем новой расы?

ЗАФАР. Нет. Я всего лишь отдаю ей должное. Это политическая сила, которую мы обязаны использовать! С ними легко работать, в основном это образованные интеллигентные люди. Скажу тебе откровенно с геями и лесбиянками гораздо легче и приятнее работать, чем с активистами наших оппозиционных партий. Они миролюбивые и не такие жадные как наши подопечные - оппозиционеры. Наша организация полностью контролирует семь оппозиционных партий. Сегодня проводим с ними очередные консультации. Они придут. Увидишь их позже.

К ним подходит посыльный.

ПОСЫЛЬНЫЙ (Сеймуру) Господин Аспарух ждет вас у себя в кабинете. Я вас провожу.

СЕЙМУР. Ты не идешь?

ЗАФАР. Я подожду тебя здесь.

Звучит последняя ария Каварадосси из «Тоски». Кабинет Николаса Аспаруха.

Он сидит за письменным столом с компьютером. Увидев Сеймура, встает. Идет навстречу, приветливо поздоровавшись, усаживает его в кресло напротив.

НИКОЛАС. (посыльному). Принесите нам кофе. (посыльный уходит.) Прежде всего хочу вам задать вопрос, на который я, после того как мы расстались в Балтиморе, сам не нашел ответа. Почему вы не приехали в Монреаль?

СЕЙМУР. Ну... Я не думал тогда, что мое отсутствие будет замечено... Помню, приблизительно за месяц до монреальской конференции начались боевые действия в Нагорном Карабахе. Кроме того, я знал, что и в Монреале, так же как на первой конференции, мне придется несколько раз в день встречаться и разговаривать с людьми, которые мне неприятны, с Оскотским, Старовойтовой, Калугиным, Шахраем и еще с несколькими деятелями такого же пошиба.

НИКОЛАС. Они вам были неприятны?.. А стоит ли принимать в расчет приятные они или нет, если ты устремлен к цели. Ради пользы дела людей удобнее делить на две основные категории – нужных и бесполезных.

СЕЙМУР. (улыбается) Наверно, двадцать лет назад я не увидел ту цель.

НИКОЛАС. Вы хорошо выступили на конференции. Все очень внимательно слушали ваш подробный анализ предстоящих событий в Советском Союзе. О том, что СССР распадется через два-три года, знали лишь считанные люди, вы не могли этого знать, поэтому ваше

выступление тогда можно было объяснить только наличием у вас особого дара писательского провидения.

СЕЙМУР. Но когда я захотел выступить на тему событий в Карабахе, мне не дали слова. Я не был в претензии, потому что были отклонены заявки и моих оппонентов.

НИКОЛАС. Забудьте. С тех пор прошло двадцать лет. Мы продолжаем работать в том же направлении. Все изменилось. Вспомните время, когда была созвана балтиморская конференция. Тогда все независимые государства, по сути, были крепостями, окруженными стенами, преграждающими проникновению извне. Сегодня все коренным образом изменилось. Международный контроль над всеми процессами государства уже не считается вмешательством в его внутренние дела. Практически в современном мире почти не осталось стран, которых можно считать независимыми и суверенными, в исторически привычном смысле этих понятий. Лишь руководители нескольких стран пока еще не воспринимают новый мировой порядок. Но это временно. Скоро их сопротивление будет сломлено. Впереди следующий этап. Он объединит все государства планеты в общее истинно демократическое пространство, на котором будут действовать обязательные для всех единые законы и этические нормы. Как вы к этому относитесь?

СЕЙМУР. С интересом. Я ведь большую часть жизни каждый день слышал призыв – «пролетарии всех стран соединяйтесь». Так что теперь, я, не испытывая внутреннего сопротивления, готов выслушать свежие идеи объединения государств и народов.

НИКОЛАС. А как вы относились к этому лозунгу «пролетарии все стран объединяйтесь»?

СЕЙМУР. Как? С ужасом. Но молча. И в глубине души надеялся, что объединение пролетариев всех стран никогда не состоится.

НИКОЛАС (смотрит на часы) Лондонский рейс через полтора часа. В следующий мой приезд мы поговорим подробнее. Надеюсь, вы захотите со мной встретиться еще раз?

СЕЙМУР. Без преувеличения, беседа с вами для меня удовольствие и честь.

НИКОЛАС. Спасибо. А теперь конкретно о деле. Хочу вкратце поделиться с вами своим мнением о лидерах оппозиции, с которыми мы вынуждены сотрудничать. Все они

радикально настроены и любят деньги. Кроме того, в них начисто отсутствует качество, именуемое критическим отношением к себе. Это притом, что все как один они честолюбивы и обостренно амбициозны. Нигде кроме Азербайджана мне не довелось видеть такого скопления людей, уверенных, что только он, и никто кроме него, должен быть президентом страны.

СЕЙМУР. Разве это плохо? Мне всегда казалось, что без этих качеств политик не может добиться успеха.

НИКОЛАС. Несомненно. И благодаря этим качествам их можно было бы использовать в интересах дела. Но, к сожалению, других достоинств в них, кроме этих мы не обнаружили. Они девственно невежественны и неспособны понять, что в реальных условиях нет места политике, не имеющему представления об элементарных вещах. Почти никто из них не слышал о Светонии или Плутархе. Названия произведений классики для них пустое сотрясение воздуха. И еще не могу понять, почему в Азербайджане лидеры оппозиции всегда серьезны. На людях они никогда не улыбаются. А их лица часто искажает гримаса то ли ненависти к врагу, то ли зависти к партнерам. А ведь политик должен улыбаться. Все это может показаться несущественным по сравнению с тем, насколько успешно они преуспели дискредитировать себя в глазах не только народа, но даже власти. Им уже не доверяют даже их однопартийцы. Итог печальный, на сегодняшний день все они ничто иное, как политический брак. Ни один из них не лидер. Кстати сексуальные меньшинства гораздо лучше организованы, чем оппозиция. Они дисциплинированы и редко ссорятся между собой. С лидерами геев и лесбиянок можно иметь дело. В отличие от оппозиции они выполняют свои обещания.

СЕЙМУР. На политическом ковре места предостаточно, но на нем уже много лет перед публикой выступают только эти ребята. Значит, других нет. Как сказал Сталин председателю Союза писателей, у меня для вас других писателей нет.

НИКОЛАС. (улыбается) Да. Но после того как Сталин это сказал, другие писатели появились. Напомню вам, что тому же Иосифу Сталину принадлежит другая, куда более интересная фраза. Он сказал – кадры решают все! И это действительно так. Мне бы хотелось, чтобы вы примкнули к нам. У вас незапятнанное имя, репутация честного порядочного человека. Это очевидно. Если вы примкнете к нам, это пойдет не только на пользу организации, выиграете и вы. Поверьте, перед вами откроются горизонты, о существовании которых вы даже не подозреваете. Вопреки прогнозам ученых-скептиков я уверен в прекрасном будущем человечества. Вам предоставляется возможность стать одним из тех, кто сегодня конструирует это будущее сегодня. Мы сметем все государственные границы и установим на планете новый порядок. В этом направлении уже много сделано. Подумайте над этим!

СЕЙМУР. Все так неожиданно.... Сегодня я узнал много нового.

НИКОЛАС. Я понимаю. Ваше решение изменит вашу жизнь, и вам следует все обдумать. Но, не тяните с этим. Подумайте до завтра. И сообщите о своем решении Зафару Тагиеву, он мне будет звонить.

СЕЙМУР. Завтра же встречу с ним. Счастливого пути.

НИКОЛАС. Всего доброго.

Сеймур идет к выходу.

НИКОЛАС. Господин Ханларов! (Сеймур останавливается в дверях) К делу это не относится, но мне хочется вам сказать, что независимо от вашего решения, мое уважение и дружеское расположение к вам останутся неизменными.

Молча, поклонившись, Сеймур уходит.

Звучит грандиозный хор из оперы «Набукко» в совместном исполнении «Скуадра адзурры» и активистов оппозиционных партий. Возвращается Сеймур.

Садится рядом с Зафаром.

СЕЙМУР. (присмотревшись к поющему хору, разочарованно) Это же фонограмма!

ЗАФАР. Конечно фонограмма. Запись хора оперы «Набукко» в исполнении хора и оркестра театра «Ла Скала». С ними в унисон поют активисты семи оппозиционных партий и «Скуадра Адзурры». Совместные песнопения проводятся при каждой встрече. На встречах практически поют руководители всех семи оппозиционных партий. Для чего? Для дела. Ты должен знать, что все эти оппозиционные партии все семь под полным нашим контролем. Но между собой они не ладят. Усадить их за один стол, каждый раз проблема. Мы дали им полную волю, кто-то из них, каждый в отдельности финансируется американцами, другие

европейскими странами, третьи радикальными группировками Ирана и Саудовской Аравией. Мы на это не обращаем внимания.

СЕЙМУР. Как же вы их контролируете, если платят им другие?

ЗАФАР. Больше всех платим им мы. Все вместе они подчиняются только нашей организации. Они нам нужны только как объединенная монолитная сила. Все ради главной цели. Над этим и работаем, ничем не пренебрегаем. Видишь, наш психолог, он стоит вместо дирижера, следит за тем, чтобы пели все. А он крупный специалист в своей области, в соответствии с последними научными исследованиями, утверждает, что люди с разными взглядами, характером и воспитанием, благодаря регулярным совместным песнопениям в хоре постепенно начинают относиться друг к другу терпимо. Он уверен, что благодаря песнопениям в хоре, лидеры оппозиционных партий постепенно начнут лучше относиться друг другу. Во всяком случае, он уверен, что грызню между партийными лидерами ему удастся прекратить и тогда их можно будет использовать не только в митингах и пикетах, но и в серьезных совместных акциях. Наша задача их объединить, и тогда в нужной ситуации организация будет располагать очень мощной силой для решающих действий. Подумай и ты над этим.

СЕЙМУР. Сегодня ситуация подходит для решающих действий?

ЗАФАР. (усмехается). Да, нет, конечно. Сегодня власть в Азербайджане уверена в своих силах, и народ еще не готов к переменам.

СЕЙМУР. Значит подходящая ситуация возникнет, когда власть слабеет, а народ впадет в состояние растерянности? А что для этого нужно? Какие-нибудь неожиданные катаклизмы – катастрофическое землетрясение или повальная эпидемия, вроде сибирской язвы или бубонной чумы? Годится?

ЗАФАР. В принципе ты прав. Но землетрясение или эпидемия, когда они еще будут, и будут ли вообще. Жди у моря погоды! При желании, эпидемии можно организовать, но это чревато последствиями, могут и свои пострадать. Но, в крайнем случае, годятся и эпидемии. Мы предпочитаем катаклизмы политические. Они предсказуемы и происходят чаще... Скажем, возобновление войны в Нагорном Карабахе? Подходит?

СЕЙМУР. Как же я сам не додумался?! Конечно. Самая выгодная ситуация, это война в Карабахе! Лучше не бывает. И тогда хр-р-ясь! Надо только выбрать момент и ударить в спину! .. Я правильно тебя понял?

ЗАФАР (кивает) Один из реальных вариантов.

СЕЙМУР. Молодцы ребята, всё продумали, все логично! Пожалуй, пойду...Я обещал Николасу дать ответ завтра. Через тебя.

ЗАФАР. Странный ты человек? Почему завтра! О чем раздумывать? Такое предложение человек получает один раз в жизни. Соглашайся немедленно, пока он здесь. Пойми, чудак, у тебя будет все, о чем ты даже мечтать не мог!

СЕЙМУР. Ты прав, иногда я действительно сам себе кажусь странным. Видимо старею. И привычки у меня появились странные. Знаешь, у меня есть трость, обычная палка из орехового дерева, я с ней хожу постоянно, а сегодня я забыл ее дома. Чувствую себя без нее неуверенно, не то чтобы решение принять, даже сосредоточиться толком не могу.

ЗАФАР. Я тебя понимаю. У меня полгода было такое же состояние, после того как я бросил курить.

СЕЙМУР. Завтра на встречу я приду с этой тростью, и ты увидишь, каким я могу быть решительным и бодрым. Вспомнил! Все хотел у тебя спросить. Я постоянно читаю в прессе отчеты международных организаций. Случайно сведения о положении в Азербайджане поставляет им не твое аналитическое агентство.

ЗАФАР. В основном мы. За рубежом у нас много клиентов.

СЕЙМУР. Восхитительно! Молодцы. Все что я читал в основном это откровенное беспардонное вранье.

ЗАФАР. Полегче, полегче! Мы теперь в одной команде. Не вранье, а осознанная дезинформация... Легкий перебор, конечно, присутствует, считай, что это издержки производства. Еще посмотрим, как ты будешь работать.

СЕЙМУР. Поживем, увидим.

ЗАФАР. Значит, встречаемся завтра. Как ты относишься к японской кухне, ко всяким сашими, суши?

СЕЙМУР. Отношусь с удовольствием.

ЗАФАР. Я тебя приглашаю. Ресторан лучшее место для переговоров. Завтра в два часа в ресторане «Мадо». Скажешь официанту, что ты пришел ко мне, он проводит.

СЕЙМУР. (твердо) Нет. Мы встретимся на улице у входа в ресторан.

ЗАФАР. Это имеет значение? Пожалуйста. В два перед входом в ресторан. Разговор у нас будет конкретный и тебе надо быть в форме, поэтому не забудь свою тонизирующую трость.

СЕЙМУР. Не забуду, без нее я как без руки.

ЗАФАР. Или мне кажется или ты на самом деле сильно побледнел?

СЕЙМУР. Показалось, Слушай, Зафар, я спрашиваю так, на всякий случай? Как, по-твоему, может случиться, чтобы эти желтые газеты наехали на меня и завтра?

ЗАФАР. О чем ты говоришь. Будь спокоен. Ни завтра, ни послезавтра, никогда. Будут теперь о тебе писать только хорошее. Прославлять на все лады. Часто и помногу. Как говорится, с завтрашнего дня мы будем тебя усиленно раскручивать.

СЕЙМУР. Ну что ж, до завтра!

Звучит пронзительная мелодия «Адажио» Альбиниони.

Квартира Сеймура. Гостиная. Мензер и Марьям плачут.

МАРЬЯМ. (вытирает слезы) Мне тоже очень грустно, но тебе нельзя так убиваться, ты еще очень слабая. Тетя Гюльтекин не болела, умерла не мучаясь, в окружении семьи, тихо угасла как свечка. Говорят, она умирала с улыбкой на губах. Когда наступит мой час, я хотела бы уйти как она.

МЕНЗЕР. Тебе этого не понять. Никогда не думала, что она так много для меня значит. С ее смертью вокруг меня возникла черная пустота, и я не вижу никакого смысла в своей дальнейшей жизни. Мне хочется прилечь где-нибудь, забыться и умереть.

МАРЬЯМ. Грех тебе так говорить! У тебя есть дети, внуки, друзья. Если ты возьмешь себя в руки, то ты поймешь, что жизнь продолжается. А вокруг не пустота, а люди, которые тебя любят

Появляется Сеймур. Останавливается в дверях.

СЕЙМУР. Что случилось?

МАРЬЯМ. Ночью умерла тетя Гюльтекин... Не знаю как успокоить маму... Боже мой, кажется, она теряет сознание! Сеймур, что делать?

СЕЙМУР. (проходит, садится напротив Мензер) Это большое горе, я вам сочувствую. Но я могу представить себе, какие чувства испытала бы тетя Гюльтекин, получив известие о вашей смерти. (Мензер перестает всхлипывать, приоткрывает глаза). Я прошу вас представить себе, как вела бы тетя Гюльтекин, узнав о вашей внезапной смерти?

МАРЬЯМ. Сеймур! Ну что ты говоришь?

МЕНЗЕР. (все еще слабым голосом, но отчетливо) Марьям, прошу тебя, не мешай. (Сеймуру) Ну и что, по-вашему, она сделала бы?

СЕЙМУР. Я скажу. Да, несомненно, она искренне испытала бы сильное горе. Но тетя Гюльтекин была мудрым человеком и она не впала бы в отчаяние и уныние. Потому что Гюльтекин много знала, поэтому ей было известно о том, что, покидающие этот мир люди, расстаются с близкими и любимыми не навечно.

МЕНЗЕР. (несколько пренебрежительно). Откуда Гюльтекин могла это знать, если я ничего такого не слышала? Сеймур, неужели вы верите в загробную жизнь, в глупые сказки об аде и рае на том свете?

СЕЙМУР. В сказки, причем глупые, не верю. Речь-то идет о другом... Но вернемся к Гюльтекин. Вы же говорили, что она сложный и мудрый человек? Значит, она знала, что Бог создал мириады звезд и планет не зря. В природе ничего зря не существует. Так и звезды. В том, что они есть, заключен глубокий смысл, познать который способны избранные утонченные люди, повторяю, избранные и утонченные. Вы меня понимаете?

МЕНЗЕР. Чего уж тут непонятного.

СЕЙМУР. Значит, вы способны понять, что с виду бесполезные звезды созданы для того, чтобы на них переселялись души людей, закончивших земное существование. Это абсолютно достоверные сведения.

МЕНЗЕР. (все еще сопротивляется.) Гюльтекин мне ничего об этом не говорила.

СЕЙМУР. Наверно не успела. А может быть, не захотела...Она по природе была скрытным человеком... А я? Я когда-нибудь говорил вам неправду? Ночью если сосредоточиться и внимательно взглядеться в звезды можно почувствовать, что с многих из них с любовью и верой в будущую встречу смотрят на нас души покинувших нас близких. Конечно, Гюльтекин все это знала, и потому улыбалась на прощанье своим близким. Поверьте мне, вы обязательно встретитесь с ней, только не надо торопить события. Мы все встретимся на какой-нибудь прекрасной планете. Когда-нибудь. Это неизбежно. А до этого надо жить на радость живым!

МЕНЗЕР. (в раздумье) Я все-таки не думаю, что все происходит так, как вы это описали...

СЕЙМУР. В следующий раз я вам расскажу об этом подробнее, в деталях, и вы убедитесь, что рассказанное мной вне сомнений и не нуждается в проверке. Но не сегодня. Вы же пойдете попрощаться с ней?

МЕНЗЕР. (спохватившись) Мне уже пора идти! А я спокойно сижу и беседую. Что подумают люди, если меня там не будет? Пойду, оденусь.

(Мензер уходит)

МАРЬЯМ. Она ожила. Какой ты молодец! Ты спас маму.

СЕЙМУР. Это так и называется - ложь во спасение.

МАРЬЯМ. Скажи честно, переселение душ на звезды ты сейчас придумал?

СЕЙМУР. Придумал кто-то другой задолго до нас. Я лишь вовремя вспомнил. Мне предстоит маленькое дельце, оно не должно занять много времени, после чего схожу на таможню. Туда пешком, а домой уже вернусь на «роллс-ройсе».

МАРЬЯМ. Да уж, пришлось тебе из-за него понервничать.

СЕЙМУР. Может быть, и понервничал, но самую малость. Благодаря ему, я узнал интереснейшие вещи. А какие мысли! У меня появились ранее совершенно несвойственные мне мысли. Тоже отчасти благодаря «роллс-ройсу». Например?.. Пожалуйста. С сегодняшнего утра, а еще точнее, со вчерашнего вечера я решил всерьез заняться политикой.

МАРЬЯМ. И впрямь несвойственная тебе мысль. Ты же всегда говорил, политикой должны заниматься только профессионалы.

СЕЙМУР. Это правда.. Кажется, я еще что-то говорил по этому поводу.

МАРЬЯМ. Это было давно, но я все помню. Ты пришел с какого-то собрания и сказал. Все с меня хватит! Порядочный человек должен заниматься политической деятельностью, только в ситуациях, когда его стране угрожает опасность.

СЕЙМУР. Именно поэтому я решил, не откладывая в долгий ящик, заняться политикой. Ты знаешь, вчера я почувствовал, что проснулся, наконец, после долгой спячки.

МАРЬЯМ. Сейчас кого не возьми, занимается политикой. Если хочется, пожалуйста. Только не пойму в чем ты видишь опасность?

СЕЙМУР. Ты помнишь время правления «Народного фронта»?

МАРЬЯМ. Иногда. Вспоминаю как кошмарный сон.

СЕЙМУР. А теперь представь себе, что кто-то, гораздо более умный, чем тогдашние фронтовики задумал демонтировать государство, говоря проще, снова учинить в Азербайджане смуту, ну, что-то наподобие «цветной революции».

МАРЬЯМ. И пусть себе хотят. Мы-то, слава Богу, видели, где эти цветные революции происходили – в нищих республиках со слабыми трусливыми руководителями. На какое жалкое существование они себя обрекли, причем добровольно. Слава Богу, у нас уже такого быть не может.

СЕЙМУР. Не все так думают.

МАРЬЯМ. Кому сегодня в Азербайджане захочется потерять благополучие, расстаться со спокойной жизнью, а взамен погрузиться в тот хаос, который мы увидели при «Народном фронте»? Мама говорила...

СЕЙМУР. Достаточно. Все понял, значит, народ меня не поддержал.

МАРЬЯМ. Поддержал, поддержал тебя народ и обещает, что будет тебе помогать. А как это будет выглядеть, твое занятие политикой?

СЕЙМУР. Самое главное, я знаю, что надо делать. Но прежде чем действовать, мне надо собрать единомышленников, писателей, художников, кинематографистов, всех творческих людей. Самых умных и смелых. И рассказать им что происходит. Пусть перестанут, наконец, молчать. Народ должен услышать их голос. Вопросы есть?

МАРЬЯМ. Есть у народа вопросы. Народ, например, хочет знать, что мы будем делать с «роллс-ройсом»?

СЕЙМУР. Отгоним его на дачу, пусть стоит там под навесом. Будем показывать гостям.

МАРЬЯМ. Кучу денег ты сегодня заплатишь таможене за то, чтобы он стоял под навесом? Дороговато.

СЕЙМУР. А что делать? Как никак машина королевы.

МАРЬЯМ. Знаю, что королевы. А я? Да, я не королева, но все равно хочу, чтобы ты знал и мое мнение. Может быть, все-таки продадим ее? Ничего в этом плохого нет. Никто нас не осудит за то, что мы продали роллс-ройс. И твой друг миллиардер поймет тебя правильно.

СЕЙМУР. У меня было достаточно времени для того, чтобы в этой жизни кое-что понять. Я заметил, что если жена какого-нибудь нормального хорошего человека время от времени не думает о себе, что она королева, то в их браке что-то, что-то очень важное не состоялось. И виноват в этом он.

МАРЬЯМ. Это что же такого должен сделать нормальный хороший человек, чтобы его жена считала себя королевой?

СЕЙМУР. Настоящая женщина начинает считать себя королевой, если верит, что этот нормальный хороший человек любит ее и, не задумываясь готов отдать за нее жизнь. Это главное! Королева это, прежде всего любимая женщина любимого человека. А по сравнению с этим все остальное – корона, переходящая из рук в руки по наследству, власть над посторонними людьми, все это такие пустяки.

МАРЬЯМ. Ты меня сделал счастливой, с этим я согласна, но...

СЕЙМУР. В этом все дело! Каждый час, каждый день я любил и люблю тебя больше жизни! И ты всегда была для меня главным человеком на всем свете. Если ты чувствовала это и верила мне, значит, ты была королевой. Просто ты не догадывалась! А я-то всегда знал это! Вот и сейчас я обращаюсь к тебе как к королеве. Ваше величество! Будьте милосердны, поймите меня. У меня нет денег, нет ничего ценного, нет ничего кроме гордости и чести. Я обязан выкупить эту машину! Вспомните, это подарок! Продать его может только человек, окончательно потерявший кураж, человек, впавший в нищету, которому больше нечего в этой жизни стыдиться... Тебе захочется быть женой такого человека!?. Что скажешь?

МАРЬЯМ. Ты меня убедил. Кажется, я начинаю чувствовать себя королевой. Но, по-моему, нам все-таки следует еще раз обсудить... (перебивает Сеймура, прежде чем тот успевае заговорить) Всё-всё! Решение принято. Просьба удовлетворена. Будем круглый год стоять под навесом и ржать.

СЕЙМУР (ей вслед) Ты куда пошла?

МАРЬЯМ. Подумай. Иду как всегда, на королевскую кухню готовить королевский обед. Не опаздывай.

Музыка из «Бременских музыкантов». Таможня. Молодые таможенники пьют чай.

Приходит Сеймур с обломками трости в руке и папкой подмышкой...

1-й МОЛОДОЙ ТАМОЖЕННИК. (радостно) А мы вас ждали! (Замечает в руке Сеймура обломки трости) Красивая трость была. Хотите, мы выкинем обломки?

СЕЙМУР. Спасибо, не надо, оставлю их себе на память. Тридцать лет она верой и правдой прослужила мне и вот час назад стала жертвой столкновения с антисанитарным предметом.

2-й МОЛОДОЙ ТАМОЖЕННИК. Жертвой чего?

СЕЙМУР. Короче говоря, сломалась. С палками это бывает. Очень неприятная история, после нее на душе у меня остался какой-то грязный тяжелый осадок.

1-й. МОЛОДОЙ ТАМОЖЕННИК. Осадок у всех бывает.

2 й. МОЛОДОЙ ТАМОЖЕННИК. У меня, например, каждый день какой-нибудь осадок. Но к вечеру проходит. Работа у нас такая. И вы не обращайтесь на это внимание, пройдет. Пришли получать груз?

СЕЙМУР. Да. Хочу получить с вашего разрешения.

ТАМОЖЕННИКИ. Мы рады за вас. Грандиозно и потрясающе! Большому кораблю большое плавание. Поздравляем!

Старший таможенник работает за своим столом. Приветливо улыбается, увидев Сеймура.

СЕЙМУР. Я пришел получить автомобиль.

Ст. ТАМОЖЕННИК. Присаживайтесь.

СЕЙМУР. Прежде всего, хочу вам сказать, что к тому, что вчера и сегодня напечатали о нашей первой встрече в газетах, я никакого отношения не имею.

Ст. ТАМОЖЕННИК. Зря беспокоитесь. Солидные люди ни одному слову в этих желтых газетах не верят. Они непрерывно врут и все давно об этом знают. Пусть себе пишут, что хотят. Как говорится, собаки лают, караван отдыхает... Давайте лучше поговорим на приятные темы... Мы сегодня вас вспоминали!

СЕЙМУР. Мы это кто?

Ст. ТАМОЖЕННИК. Все! Мы вчера были в порту, принимали яхту. Какая красавица! Белая лебедь. Двухпалубная. Шесть кают. Ходит и под парусом и на моторе. Поздравляю!

СЕЙМУР. Вы меня поздравляете? Почему же меня?

Ст. ТАМОЖЕННИК. Как вы еще не знаете? Мы же вчера послали вам извещение о том, что Вам прислали яхту. Отправитель Тарлан Саламов. Вот акт о сохранности груза. Можете получить!

СЕЙМУР. (опешив) Яхта! Мне? Я действительно ничего об этом не знал. Значит, яхта. Что ж получается? За нее ведь тоже таможенный сбор платить надо. Наверно даже больше чем за «роллс-ройс»?

Ст. ТАМОЖЕННИК. Разумеется больше. Точную сумму для счета вам выдаст компьютер. Скажу приблизительно, раз в двенадцать – пятнадцать больше чем за автомобиль. Как-никак это большая роскошная яхта, можно сказать, корабль. Думаю, таможенный сбор составит около ста восьмидесяти - двухсот тысяч. В этих пределах...

(Известие о сумме налога на яхту застаёт Сеймура врасплох. Он сидит молча, уставившись на таможенника).

Ст. ТАМОЖЕННИК. Оформлять для вас документы на яхту будет уже другой человек. Начальство поздравило меня с уходом на пенсию. С завтрашнего дня я пенсионер.

СЕЙМУР. Вы не похожи на пенсионера. Выглядите гораздо моложе.

Ст. ТАМОЖЕННИК. Так оно и есть, Дело в том, что таможенники имеют право выходить на пенсию как военные, то есть гораздо раньше остальных граждан. Вот я и подал заявление. И сегодня имею право говорить на посторонние, то есть, не на служебные темы. Вы не возражаете?

СЕЙМУР. Честно говоря, после того как я сейчас узнал, сколько я должен заплатить, мне тоже хочется разговаривать исключительно на посторонние темы.

Ст. ТАМОЖЕННИК. (внимательно вглядывается в Сеймура) У меня сложилось впечатление, что вы не собираетесь забирать у нас ни яхту, ни машину (Сеймур утвердительно кивает головой.) Странно. Вы могли бы, выгодно продать их, и заработать на этом огромные деньги.

СЕЙМУР. Наверное, это был бы самый разумный выход, но для меня он закрыт. Это невозможно. Это подарки, а продавать подарки нельзя. Можно, конечно, вернуть их владельцу, но это неприлично и оскорбительно. Ни роллс-ройс, ни яхта мне не нужны. Я действительно не знаю, что с ними делать.

Ст. ТАМОЖЕННИК. Очень хотел бы оказаться на вашем месте! Я бы недолго думал, что с ними делать.

СЕЙМУР. Вы, наверное, любите технику, умеете обращаться с ней?

Ст.ТАМОЖЕННИК. Вы не ошиблись, я люблю технику, но, сказав, что хотел бы оказаться на вашем месте, я имел в виду именно те обстоятельства, в которых находитесь вы. Я бы на вашем месте сделал то, что мне очень давно хотелось сделать. Не знаю, известно ли вам, но в Баку есть дом для осиротевших детей. Дом сирот под названием «Рассвет». Государство их кормит, одевает, но все равно счастливыми их назвать нельзя. Мне это хорошо известно, потому что я часто захожу туда. Я здесь, в таможне за долгие годы повидал множество очень богатых людей, но ни один из них, ни разу не вспомнил об этих обездоленных детях. А ведь это наши дети. И мы обязаны о них думать. Извините меня, я полез не в свое дело. Но мне почему-то показалось, что вы не обидитесь. Вы же знаете, старики любят поговорить

СЕЙМУР. Это же замечательная идея! Дорогой мой, имейте в виду, отныне, если вы захотите, я готов беседовать с вами на посторонние, по вашим словам, темы в удобное для вас время... А у меня есть хоть какая-то законная возможность передать дому сирот яхту и машину?

Ст. ТАМОЖЕННИК. Вы не представляете себе, какая это будет для них радость. Я думаю, они будут счастливы. Всю свою жизнь потом они будут вспоминать, что они катались на роллс-ройсе, и что у них была яхта.

СЕЙМУР. Но ведь платить в любом случае придется.

Ст. ТАМОЖЕННИК. Дети-сироты налогом не облагаются. До этого мы еще не дошли.

СЕЙМУР. Прекрасно. Но вы еще не сказали, возможно, ли это?

Ст. ТАМОЖЕННИК. Вам достаточно написать дарственную, если хотите, сделайте это здесь и сейчас, а я вызову нотариуса, который находится здесь же в в нашем здании.

СЕЙМУР. (придвигает к себе бумагу, пишет) Зовите нотариуса! Вы даже представить себе не можете, как я вам благодарен за этот совет.

Ст. ТАМОЖЕННИК. Я очень давно мечтаю сделать для этих детей что-то по настоящему значительное, но у меня не было возможности. То, что я им приносил, это были такие пустяки. Мечтал-то я, но Бог решил поручить это доброе дело вам. Вы счастливый человек! Вам это известно?

Сеймур продолжая писать, кивает головой.

Ст. ТАМОЖЕННИК. Я добросовестно послужил государству, но теперь, выйдя на пенсию, решил заняться любимым делом. (Берет у Сеймура заявление, читает его). Все правильно и убедительно. Вы благородный человек! Но теперь после выхода на пенсию, сбудется наконец-то и моя мечта. Не иначе как это судьба. Согласитесь, это не может быть случайным совпадением. Сегодня, как только стало известно о моем выходе на пенсию, мне предложили стать директором Дома сирот, и я согласился. На эту работу требуется заботливый добросовестный человек, и тут как раз подвернулся я. Если бы я не был убежден, что справлюсь с этой работой, поверьте, я бы никогда не согласился. Заботиться о детях это мое призвание!

СЕЙМУР. Согласен, это действительно не выглядит случайным совпадением. А дом сирот случайно не называется «Рассвет»?

Ст. ТАМОЖЕННИК. Именно «Рассвет», как это указано в вашем заявлении.

СЕЙМУР. Если я правильно понял, яхта и машина теперь будут в вашем распоряжении?

Ст. ТАМОЖЕННИК. Конечно! Потому как я завтрашнего дня там директор.

СЕЙМУР. Но водить яхту не каждый сумеет. Вам, наверно, придется нанять специалиста моряка?

Ст. ТАМОЖЕННИК. Никаких проблем. Дело в том, что я пять лет прослужил в таможенном отделении на морской границе. И там получил права шкипера на вождение судов малого тоннажа. На этот счет можете не беспокоиться, яхта будет в надежных руках.

СЕЙМУР. Воистину, это еще одно счастливое совпадение. Я надеюсь, детей вы иногда будете катать?

Ст. ТАМОЖЕННИК. Что значит, иногда? Я собираюсь регулярно устраивать морские прогулки с участием всего детского коллектива. Не сомневайтесь. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы улучшить жизнь детей в доме «Рассвет». А если точнее, сделаю все, чтобы они чувствовали себя счастливыми. Приезжайте, и вы сами в этом убедитесь. Надеюсь, вы мне верите?

СЕЙМУР. Верю. Конечно верю... Каждый из нас совершал в жизни ошибки, иногда даже серьезные, но сейчас с уверенностью можем сказать – сегодня мы сделали хорошее благородное дело.

МОЛОДОЙ ТАМОЖЕННИК. А какие ошибки вы считаете серьезными?

СЕЙМУР. (улыбается) Молодой человек, серьезные ошибки, это когда после них человека начинает сильно мучить совесть. На исправление некоторых из них требуется много усилий и времени. Бывает, что целой жизни не хватает на исправление одной такой ошибки.

МОЛОДОЙ ТАМОЖЕННИК. Слава Богу, со мной такого еще не бывало.

СЕЙМУР. Я рад за вас.

2-й ТАМОЖЕННИК. (показывает Сеймuru обломки трости) А вот это... вы считаете ошибкой?

СЕЙМУР. Нет. Скорее это удовольствие. Я твердо знаю, что никого нельзя бить палкой. Но вот видите, не выдержал. Причем не жалею об этом. На карту были поставлены главные ценности нашей жизни.

СТАРШИЙ ТАМОЖЕННИК. Дорогой Сеймур – муаллим, вы меня очень заинтересовали. Что вы считаете главными ценностями?

СЕЙМУР. Скажу вам откровенно, после этого неприятного инцидента (показывает таможеннику обломки трости) я еще не совсем пришел в себя, но попытаюсь объяснить. Все очень просто. Например! В нашем с вами возрасте одна из главных ценностей - это возможность, проснувшись утром, поблагодарить Богу за то, что ты сам и дорогие тебе люди живы и здоровы. Жизнь дается человеку один раз, и надо уметь ей радоваться. Вот я, например, я радуюсь тому, что все мы спокойно живем в своих домах, спокойно днем и по ночам ходим по безопасным улицам. И больше всего в жизни хочу, чтобы никто у нас этого отнять не может.

МОЛОДОЙ ТАМОЖЕННИК. Вы меня извините, но какая же это ценность? Все так живут, богатые и бедные, старые и молодые, и ничего особенного я в этом не вижу. И ценного тоже. Этот нормально.

СЕЙМУР. (улыбается) На это трудно возразить. Действительно это нормальная жизнь, к которой мы успели привыкнуть. Человек ко всему хорошему быстро привыкает и считает, что так может быть всегда. И ему приходится очень трудно, когда у него эту нормальную жизнь отбирают. Вы можете себе представить, – в стране вдруг начинает твориться невообразимое, на улицах начинаются стычки вооруженных группировок, которые могут перейти в гражданскую войну. И все останавливается – транспорт, связь, закрываются магазины...Вы, не можете себе такое представить. Разница между нами состоит в том, что я в 1991 году своими глазами видел этот кошмар, а вы тогда были еще слишком молоды. Я не хочу, чтобы это повторилось.

СТАРШИЙ ТАМОЖЕННИК. Это все осталось в прошлом. Уверю вас, дорогой Сеймур-муаллим, для ваших опасений нет никаких оснований. Главный барометр это народ. Народ всегда все чувствует заранее. А сегодня народ спокоен. Люди от души веселятся и с удовольствием размножаются, именно потому, что уверены в своем завтрашнем дне. Поэтому прошу вас, смотрите на все события с оптимизмом.

СЕЙМУР. Договорились.

СТАРШИЙ ТАМОЖЕННИК. Давайте-ка лучше поговорим о приятном. Например, о детях. На чем мы остановились?

СЕЙМУР. На чем? Да, да. Мы говорили о том, что дети наше будущее. И мы все должны постараться, чтобы это будущее им обеспечить.

СТАРШИЙ ТАМОЖЕННИК. Я полностью с вами согласен. Они наше будущее... Конечно, после того как вырастут. Но заботиться о них мы должны сейчас. Вы еще убедитесь на деле, как я к ним отношусь.

СЕЙМУР. Приятно слышать. Я и мои друзья регулярно будем вас навещать. Если вы не будете возражать.

Ст. ТАМОЖЕННИК. Какие возражения? О чем вы говорите! Для меня это честь. Будем в ваше свободное время вместе с детьми кататься, то на яхте, то на роллс-ройсе. Сочтут своим приятным долгом как-нибудь во время морской прогулки познакомить вас с Автандил муаллимом.

МОЛОДОЙ ТАМОЖЕННИК. Я вот о чем подумал. Дети ничего еще в своей жизни ничего хорошего не сделали, а вы их будете каждый день катать то на яхте, то на роллс-ройсе. Они же могут привыкнуть.

Ст. ТАМОЖЕННИК. Можешь не беспокоиться. Мы все это учтем иотрегулируем. Детей надо любить и время от времени баловать, ради их же пользы.

СЕЙМУР. Итак, мы совместно будем заботиться о детях. И никому не дадим их в обиду.

Ст. ТАМОЖЕННИК. Мы за детей сами кого хотите обидим! Никого близко к ним не подпустим!

МОЛОДОЙ ТАМОЖЕННИК. Да разве я против этого? Я что хочу сказать, только в этом году для детей построили 200 новых школ, почти при всех спортзалы и бассейны. Во всех классах компьютеры. И бесплатное питание. А мы ведь учились не в таких условиях. И выросли нормальными людьми. А тут им яхту и роллс-ройс. Это их не испортит?

СТАРШИЙ ТАМОЖЕННИК. Не испортит, не испортит, не беспокойся. Я знаю, ты хороший и умный человек, но если бы в детстве плавал в школьном бассейне и ездил на роллс-ройсе, был бы сейчас не просто хорошим и умным, а очень хорошим и очень умным человеком. Теоретически, конечно.

МОЛОДОЙ СОТРУДНИК. (оправдывается) Я не жалею, слава богу все у меня в порядке. Не понимаю, причем здесь я? Я же не о себе говорил.

В кабинет входят сотрудники. Они пришли поздравить коллегу с выходом на пенсию и новым назначением. Разносят бокалы с шампанским.

ГОСТЬ. Я хочу поздравить нашего коллегу с выходом на пенсию...

СТ. ТАМОЖЕННИК. (перебивает) Ради Бога, извините! Но первый тост скажу я. Этот бокал я поднимаю за здоровье детей. Пусть они будут счастливее нас. Дети наше будущее! (все чокаются).